

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдуард СЕМЕНОВ

ИСПРАВЛЯЕМ ПРОШЛОЕ.

Без права на ошибку

Версия 3.1.

Аргентинский
гамбит

проект

ВОЛХВЫ

исторический спецназ

Эдуард Семенов
Исправляем прошлое.
Без права на ошибку
Серия «Волхвы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50174086

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04163-9

Аннотация

Еще одна книга из серии «Волхвы. Исторический спецназ». На этот раз в центре внимания Филипп Волхвов и его тотем: рыжий филин. Снова через время и пространство против всей Вселенной, чтобы вернуть миру веру в первого человека, покорившего космос. А кто враги? Конечно же, те, кого уже давно похоронили. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1

Филипп Волхвов с восторгом смотрел в небо. Яркое солнце слепило его глаза, выжимая слезу. Ни облачка. Видимость, что называется сто на сто. Раздался грохот. Он увидел, как стапеля, удерживающие ракету, оттолкнулись. Все заволокло дымом. Филипп весь сжался в предвкушении исторического момента.

Огромная серебряная сигара с надписью «Восток-1» на борту нехотя оторвалась от земли. В несколько мгновений преодолела расстояние до стратосферы и превратилась в яркую затухающую звезду. Филипп услышал в динамике небольшого переносного радиоприемника фразу, которую ни кем и ни с чем нельзя было перепутать, так же как невозможно было не распознать этот голос.

– Пое-ее-хали!

Конечно, это был он, первый космонавт Земли. И никто другой. Вот он! Исторический момент.

Из радиоприемника, настроенного на секретную волну, раздался голос главного конструктора. «Кедр, кедр! Я – заря, как слышишь меня?» Радостные возгласы инженеров на заднем фоне. «Слышу Вас хорошо! Вижу землю!»

Все как в учебниках по истории, и документальных кадрах кинохроники.

Филипп смахнул наверхнувшуюся слезу. Наконец-то, сбы-

лась мечта идиота. Он смог поприсутствовать на историческом событии. Стал, что называется его полноценным свидетелем. «Эх, жаль, не взял фотоаппарата, надо было сфотографироваться на фоне взлетающей ракеты!» – подумал он. «Хотя это и запрещено правилами, но он бы никому не показал эту фотографию. Повесил бы у себя к комнате. На память!»

На какое-то время наступила тишина. Было слышно, как стрекочут кузнечики, потом он увидел, как к месту старта выехало несколько черных «Волг» и «Чаек». Из машин стали выходить люди, которые начали обнимать друг с другом, хлопать по плечам, и фотографироваться на фоне откинутых ступеней.

Филипп схватил в руки мощный цейсовский бинокль, уперся локтями в землю и навел его на стартовую площадку. «Интересно, а это еще кто?» Наверное, генеральный конструктор и его команда! Празднуют победу!

Покрутил рычажок и приблизил к себе картину.

Морские окуляры с тридцатикратным приближением позволили ему рассмотреть не только автомобильные номера, но даже звезды на погонах. Все на уровне полковников и генералов. Несколько мужчин было в черных костюмах, плащах и шляпах. Один из них действительно был Королев.

– Черт, а это его кто? – вырвалось у Филиппа из уст, когда он увидел, как одним из последних из машины вылез человек в скафандре космонавта. На шлеме скафандра было от-

четливо видна надпись «СССР», а под этой надписью было лицо человека, которого, ну, никак не должно было быть в этом месте.

– Этого не может быть?

Филипп протер глаза и окуляры и снова навел на площадку. Ничего не изменилось. В бинокль он четко видел, что человек в скафандре был... Юрий Гагарин. Его улыбку нельзя было перепутать. Это была она! Та самая! Которая была гордостью целой страны. Гагарин стоял и растерянно улыбался. Время от времени смотрел в небо. А все, кто был рядом хлопали его плечам и что-то говорили ему, говорили. Объясняли. Он согласно кивал. С чем-то соглашался... С чем-то нет. Но услышать разговор на таком расстоянии, конечно было невозможно, да и Филипп не хотел его слышать.

От досады он даже хлюпнул носом. «Как же так? Почему? Что же получается?»

Раздался крик филина.

Филипп поднял голову и увидел, как к нему по степи несется «шишига» или «ГАЗ-66», в котором сидели автоматчики с алыми погонами внутренних войск СССР. Филипп посмотрел назад. Юрта со светящимся наличником стояла в низине и не была видна из кабины грузовика. Он встал с земли, схватил радиоприемник и бинокль, и пригибаясь к земле, не отряхиваясь, побежал к ней.

– Стой, стрелять буду! – раздался сзади злобный окрик. Филипп и не подумал ему подчиняться. Он лишь поднял гла-

за и мысленно подал сигнал своему филину.

Птица гукнула, сделала разворот и камнем упала на стрелка, который уже поймал в прицеле фигуру Филиппа. Вцепившись когтями в ствол, филин дернул автомат из рук младшего лейтенанта и бросил его в траву.

– Да, что за чертовщина, – воскликнул старлей, прикрывая одной рукой лицо от когтей филина, а другой указывая в сторону белой юрты, – Нестеренко, стреляй на поражение.

Водитель, сержант срочной службы, стрелял уже навскидку, практически не целясь. У него не было желания попадать, но, тем не менее, одна пуля, на излете злой осой обожгла мышцы спины Филиппа, как раз в тот момент, когда тот вваливался в дверь юрты. Изогнувшись от боли, и практически теряя сознание Филипп начал закрывать за собой портал, оставив лишь узкую щель для рыжего филина.

Вслед за пулей в дверной проем влетела птица.

Портал тут же закрылся, растворившись в сизой дымке, не оставив на месте юрты даже примятой полыни.

Старлей удивленно посмотрел на сержанта.

– Что это было, Нестеренко?

Сержант невозмутимо пожал плечами.

– Мираж, товарищ старший лейтенант. От этой ракеты все, что угодно может померещиться. Излучения.

– Какой, нахрен, мираж? – зло ругнулся старлей. – Какие излучения? Вот как мы теперь объяснять будем, в кого или во что стреляли? Во время секретной операции на объекте

были посторонние лица? За патроны как отчитываться будем? Кто нам в этот мираж поверит?

Старлей схватился за голову, а сержант снова пожал плечами. И чего он так переживает, этот старлей? Вот как есть, так и расскажем. Пусть у тех, кто повыше голова болит, а его все равно дальше Байконура не пошлют, тем более что до дембеля меньше недели осталось.

Лежащего без сознания в своей комнате Филиппа обнаружила его мать, Дарья Константиновна.

Она разносила по деревне почту, увидела, как над ее головой закружился филин, отчаянно о чем-то крича. Материнское сердце тут же почуяло неладное. Опустив в почтовый ящик бандероль из Китая, она прикрыла ладонью свою мышь-норушку. Мало ли что? Филин хоть и ручной, но инстинктивно мог и цапнуть животинку, а без тотема ни один из волхвов должно не проживет. Опустила пищащую свою подругу в почтовую кожаную сумку, висящую на плече, и, подхватив подол длинной юбки, побежала домой. Ввалилась в избу, увидела недвижимое тело сына, охнула, всплеснула руками. Причитая и, совершенно не замечая талых луж на улице, побежала к Степаниде.

Та уже вызвала «скорую», которая по весенней распутице не смогла проехать через деревенское поле, лежащее между трассой «Рязань – Москва» и деревней Волхвы. С включенными маяками «Газель» с медиками ждала прямо на краю

дороги, пока к ним раненого и стонущего Филиппа вывозил на тракторе.

Пока везли в больницу, Филипп начал бредить и в бреду повторять одну и ту же фразу.

– Гагарин не был в космосе... Все переговоры в эфире имитация полета... Ракета полетела пустая. Позже. ...

Трактористу Сергею Волхову, отчиму Филиппа, это показалось очень интересным. Он тут же рассказал про услышанное участковому, полковнику полиции Степаниде Волховой, и по совместительству тете Филиппа. Полковник тут же позвонила в центр изучения наследия предков, профессору Ивану Сазикову.

Когда операция закончилась, Филиппа под предлогом более качественного ухода, тут же перевели в изолированную палату, и поставили у входа охранника из частной охранной фирмы.

– Чему быть, того не миновать, – кусая губу произнесла Степанида, глядя в окно. – Мы все так и знала, что рано или поздно это станет ему известно. Хорошо еще, что никто из хирургов не обратил на его слова никакого внимания.

– Ну, да, – согласился Иван, – Они еще и не такое слышали. Но я на всякий случай провел им чистку, стер с памяти воспоминания.

Степанида махнула рукой.

– Ты же отлично знаешь, что это бесполезно. Подсознание

рано или поздно все восстановит.

– Конечно, но на первое время хватит. Что будем делать с Филиппом?

– Пусть поправиться, потому решим, а в данном случае, может это и хорошо, что с ним случилось.

Сазиков промолчал. Лишь сильнее сжал губы. Он был не согласен со словами Степаниды, поэтому перевел тему разговора.

– Симеонову, я пока ничего не говорил.

Степанида поморщилась.

– Думаю, его служба уже обнаружила метку в каких-то архивах. Не сегодня – завтра, сам к тебе приедете за душевным разговором.

Степанида сверкнула глазами.

– Филиппа я им не отдам.

Иван кивнул головой.

– Об этом не может быть и речи, – он подошел и приобнял женщину за плечи. – Я что-нибудь придумаю, – потом подумал и поправился. – Мы, что-нибудь придумаем. Еще есть время. Твой Степан поможет. Уверен, есть выход.

В хирургическое отделение Рязанской клинической больницы Филиппа доставили через двадцать минут с того момента, как поступил звонок на диспетчерский пункт. Врачи боролись за его жизнь несколько часов. Пулю извлекли, мышцы зашили, но свинцовая оболочка все же задела нерв-

ные окончания.

Подвижность и чувствительность ног восстановить не удалось. Филипп сразу это понял, когда, придя в себя, попытался встать с кровати, и упав лицом в пол, разбил себе нос.

Звук упавшего тела не остался незамеченным. Прибежала медсестра, позвали санитаров. Филиппа снова уложили в постель. Остановили кровь, поменяли испачканное белье.

Все это время Филипп смотрел в потолок. Он не повернул голову даже тогда, когда вошел в палату Сазиков. В темном свитере, с накинутым на плечи белым халатом.

– Здравствуй, Филя, – сказал он негромко.

Филипп не ответил.

– Да, так бывает, Филипп, – не отчаивайся. – Ты отлично знаешь, что шанс встать у тебя есть.

Филипп повернул голову.

– Почему? – он нахмурился. – Почему люди столько лгут? Я ведь верил.

Сазиков присел рядом на табурет.

– Уверен, этому есть объяснение, и ты его обязательно найдешь.

Филипп шмыгнул носом.

– Можно подумать Вы, – он подчеркнул это «Вы», – не знали про это?

– Ты имеешь в виду первый полет Гагарина?

– Конечно, а что же еще.

Сазиков встал и подошел к двери. Заглянул за нее. Потом

поплотнее вернулся. Снова сел.

– Надеюсь ты понимаешь, что здесь не все так просто?

– Догадываюсь, – хмыкнул Филипп. – Снова какие-то межнациональные интересы, интриги и договоренности.

Сазиков покачал головой.

– Что-то вроде того. И ты оказался в ненужном месте в ненужное время очень некстати. Нам теперь придется перевести тебя в наш центр.

Сазиков подчеркнул.

– Это для твоей собственной безопасности.

Филипп снова хмыкнул.

– Ясно. Значит под домашний арест.

Сазиков не согласился.

– Никто тебя ни в чем ограничивать не собирается. Не преувеличивай. Просто в центре для тебя будет теперь комфортнее. И все.

Филипп поморщился.

– Хотелось бы верить.

Сазиков встал.

– Ну, давай, поправляйся. Черный пес передавал тебе привет и велел держать хвост пистолетом. Обещал навестить тебя как вернется.

– А где он сейчас?

Сазиков сделал неопределенный жест руками.

– Где-то... – потом добавил. – В южной Америке шестидесятых годов. Но это тоже секрет. Видишь, я ничего от тебя

не скрываю.

Филипп отвернулся.

– Вижу. Как мне теперь передвигаться-то. На коляске?

Сазиков засмеялся.

– Скажешь тоже. Это настоящая боевая колесница. Он тебя ждет в коридоре. Сестра завезет ее после моего ухода.

Он протянул руку Филиппу.

– Давай, не кисни. Мы рядом.

И крепко пожав ладонь Филиппа, вышел из палаты.

Глава 2

13-отдел Главного разведывательного управления при Генерального штабе Российской армии располагался в секретном бункере под площадью Революции.

Попасть туда можно было через полуподвальное помещение, со двора жилого здания, у входа которого сидел вахтер. Как правило, это был пенсионер, всегда аккуратно одетый, выбритый и трезвый. Старичок проверял пропуск, на нем было написано «В управление ЖКХ», и пропускал в узкий коридор, идти по которому следовало минуты две.

Все это время человек находился под наблюдением невидимых камер, которые фиксировали его параметры. В конце коридора находилась металлическая дверь с надписью «Посторонним вход запрещен» и предупреждающим знаком «Не влезай убьет!», который обычно вешали на электрощитовых. Открывалась эта дверь, при помощи того же пропуска, внутри которого был вмонтирован микрочип. За дверью находился лифт, на котором нужно было спуститься на несколько этажей под землю.

И только там, на бывшей станции метро можно было встретить первого человека в форме вооруженных сил. Это был часовой, в фуражке, камуфлированной форме, как положено с автоматом, штык-ножом за поясом, надраенных до блеска сапогах.

Часовой еще раз сверял данные удостоверения личности с параметрами входящего, спрашивал пароль, который ежедневно менялся, и нажимал кнопку вызова сопровождающего. Для самостоятельного прохода по спецотделу требовались отдельный пропуск, который лепился в виде стикера на задней корочке удостоверения.

У генерала Симеонова такой стикер имелся. Он отдал честь часовому и прошел в свой кабинет. Комната размером с вагон метро была обставлена мебелью еще времен Великой отечественной войны, и имела все самые современные средства коммуникации и автономного существования, включая запас воды и питания на месяц, а также агрегатор по автономной выработке кислорода.

Собственно это и был вагон метро. В случае необходимости владелец специального кода мог легко привести его в движение, и по специальным железнодорожным веткам, которые входили в систему «Метро-2» переместиться на один из запасных командных пунктов, который располагался в черте города, за пределами Садового кольца, и самый дальний – в районе Казани. Правда, туда можно было уже добраться по наземной части железной дороги, выбравшись из туннеля на закрытой территории Летно-исследовательского института имени Громова в Жуковском, и прицепившись на станции «Быково» или на платформе «47 километр» к мимо проходящему поезду.

У Симеонова был и такой код, маленький черный брелок

с кнопкой. Чтобы привести комнату-вагон в движение нужно было нажать несколько раз эту кнопку в определенной последовательности. Периодически генерал отчитывался за это брелок в Главном штабе.

В общем, уровень доступа секретности у генерала Симеонова был самый высокий. Именно поэтому в первую очередь к нему майор Игнатов привел главного архивариуса Министерства обороны.

Симеонов предложил архивариусу садиться, предложил чаю с вафлями, спросил.

– Вы просили организовать встречу со мной? Что-то важное?

Архивариус достал из серой папки с надписью «Совершенно секретно», которую принес с собой, несколько желтых от времени листов бумаги.

– Да, неделю назад мы обнаружили в нашем архиве это.

Архивариус передал листы генерал и пояснил.

– Нет никаких сомнений, что документы подлинные, но на них почему-то нет инвентарных номеров.

Генерал с интересом начал рассматривать бумаги. Это были докладные записки из воинской части Капустиного Яра на бланках Министерства Обороны СССР, Обе написаны от руки. Почерков было два. Один – убористый, основательный, другой – нервный, рубленый, косой. В одной докладной записке было написано несколько абзацев, другая была испи-

сана полностью с одной стороны, и половину – обратной. Он не стал вчитываться, переспросил.

– Так где вы обнаружили эти докладные записки?

Поднял голову, посмотрел внимательно на архивариуса, потом кивнул головой Игнатову, давая знак, что он должен остаться, чтобы тоже быть в курсе всей информации.

Архивариус вскочил, но генерал снова мягко усадил его.

– Не нервничайте, расскажите все подробно, по возможности с любыми деталями. Что вас удивило в этих бумагах?

Архивариус снова сел. Сделал глоток из фарфоровой чашки.

– Я же говорю, эти листы находились в отдельной папке нашего архива, но на них нет инвентарных номеров. Хотя информация в них датируется 12 апреля 1961 года. Тогда просто невозможно было утратить ни одного документа. Я совершенно не могу предположить, как мы упустили эти бумаги. Опросил своих сотрудников. И один из них сказал, что он проверял эту папку несколько дней назад. И в ней этих бумаг не было.

– А что было?

– В том то и дело, что она была пуста. Закончился срок хранения технической документации. И все бумаги из нее были изъяты, и подготовлены к утилизации.

Генерал протянул ладонь.

– Это та самая папка?

– Совершенно верно.

Архиварус протянул ему серую папку.

– Посмотрите, на ней даже написано, что в ней хранились бланки со списками техники и инвентарными номерами, но не докладные записки о происшествии с использованием боевого оружия.

Симеонов аккуратно взял в руки папку, как будто ему в руки передавали гранату с выдернутой чекой и осторожно открыл ее. Папка была пуста. Потом закрыл ее. Архивариус продолжил разговор.

– Вот я также держал в руках эту папку. Открыл ее – она была пуста. Потом закрыл и снова открыл. А в ней лежат эти листы. Просто как фокус какой-то! Ящик Пандоры.

– Или эффект Кота Шрёдингера, – вдруг неожиданно подал голос майор Игнатов, и когда на него посмотрели генерал и архивариус пояснил. – Ну, был такой австрийский физик, который предложил мысленный эксперимент. Им он хотел показать неполноту квантовой механики при переходе от субатомных систем к макроскопическим.

Генерал хмыкнул.

– Ты сам-то понял чего сказал? – и снова повернулся к архивариусу. – То есть вот просто открыли-закрыли, а листки появились?

– Да. – Архивариус удрученно кивнул головой. – И я бы не стал Вас беспокоить. Если бы не Ваша директива.

Генерал откинулся на спинку стула.

– Спасибо, что вы на нее откликнулись.

Встал, одернул китель. Архиварис тут же встал вслед за генералом. Симеонов протянул ему руку.

– Благодарю за службу. Вы нам очень помогли. Мне нужно время, чтобы изучить документы. Майор проводит Вас.

Майор Игнатов вежливо предложил архивариусу выйти. Уже на выходе генерал окрикнул его.

– Зайди потом снова ко мне, Алеша.

– Есть товарищ генерал.

Генерал Симеонов остался с докладными записками наедине. Начал читать.

Сержант Нестеренко докладывал коротко, что в ходе патрулирования объекта столкнулся с оптической иллюзией, которая часто имела место быть в казахских степях, «... а именно -миражом, который имел вид юрты. По приказу старшего лейтенанта выстрелил в сторону указанного оптического обмана. Всего было сделано восемь выстрелов, все гильзы собраны и сданы». А вот старший лейтенант Романенков уверял, что ... «рядом с неизвестным светящимся объектом, который по своей форме напоминал юрту, находился мужчина. При виде патрульной машины он бросился бежать в сторону юрты. На приказ остановиться, не отреагировал. Ввиду сложности ситуации старший лейтенант принял решение открыть огонь на поражение, но был атакован рыжей птицей, возможно филином, которая вцепившись когтями в ствол автомата, не дала произвести прицельный выстрел.

Романенков был вынужден отдать приказ на выстрел своему подчиненному». Далее Романенков весьма подробно описал мужчину: рыжий, молодой, а также предметы, которые были у него в руках – наушники, радиоприемник, бинокль.

Симеонов внимательно изучил листы. Даже проверил их запах. Листы были очень желтые, что свидетельствовало о том, что им вполне может быть около пятидесяти лет. Еще раз прочитал фамилии авторов – сержант Нестеренко, младший лейтенант Романенков. Подумал: «Интересно, а что с ними сейчас? Живы ли? Им ведь уже почти под семьдесят... Или даже больше».

Вернулся майор Игнатов.

– Разрешите, товарищ генерал?

– Входит,ходи, Алеша, – Симеонов вновь назвал его по имени, словно подчеркивая, что он не хотел сейчас дежурных слов. Ему нужен был откровенный разговор. Он протянул ему листки бумаги. – На, посмотри.

Майор взял доклады и спросил разрешения сесть.

– Разрешите?

– Да, давай, без церемоний, – Симеонов взял чайник разлил по чашкам кипяток. Подвинул коробку с пакетиками чая, вазочку с вафлями, – нам нужно обсудить дальнейшие действия. – Так что ты там про кота говорил? Только самую суть, без основ квантовой физики. Что ты думаешь по этому поводу и почему ты в данном случае сравнил появление этих бумаг с этим экспериментом. Разве не могло быть как-

то иначе? Без этих теорий?

Игнатов кивнул головой, давая понять, что понял слова генерала.

– Конечно, мы не можем исключать такие варианты, как халатность, самообман и подлог документов. Конечно, надо проверить все варианты, но когда архивариус рассказывал, мне показалось, что он вполне мог не врать. И единственным разумным ответом в данном случае для меня был именно эксперимент с котом Шрёдингера. Только если физик в своих работах занимался теорией, то здесь эффект наблюдателя, что называется на лицо.

Симеонов улыбнулся.

– То есть пока папка была закрыта, бумаг как бы там не было. Мы не могли знать лежали они там или нет. Поэтому предполагаем, что их там не было. А вот когда архивариус заглянул в папку, то он их увидел и они стали реальностью.

– Так точно, товарищ генерал.

Симеонов снова улыбнулся.

– Но все же вопрос остается тот же: бумаги там были или они там появились? Кто может дать нам точный ответ?

Игнатов посмотрел на бумаги, что-то вспомнил. Симеонов улыбнулся, ожидая ответа, но Игнатов махнул головой, будто отгоняя наваждение и продолжил.

– Может быть эти, – он кивнул головой. – Нестеренко и Романенков.

Симеонов засмеялся.

– Вы как-то странно долго молчали. Как будто что-то вспомнили...

Игнатов смутился.

– Да, нет, показалось. – хотел еще что-то сказать, но замотал головой. – Нет, не важно.

Симеонов не стал настаивать и умел разговор в сторону.

– Если вспомните, что хотели сказать. Не стесняйтесь. Сейчас важны любые детали. – Он показал рукой на бумаги. – То есть в тот вариант, что юрта и мужчина не мираж ты сразу отмечаешь?

Игнатов нахмурился и даже немного надул губы.

– Ну, если только чисто теоретически.

Симеонов взял в руки чашку, кинул в нее сахара, помешал. Сделал глоток.

– Да, понимаю тебя. В это сложно поверить. Но придется.

Игнатов перечитал отчеты.

– Если откинуть все мифическое, то следует предположить, что неизвестный мужчина наблюдал за стартом космической ракеты 12 апреля 1961 года. Вернее... то что...

– Вот именно, – Симеонов продолжил пить чай. – Он видел, что ракета номер раз улетала в космос без космонавта.

Игнатов замотал головой.

– Невероятно. Что ж получается, что это был иностранный агент? И США изначально разгадав нашу игру, предложили нам в ответ свой «Полет на Луну»?

Игнатов начал раскручивать свои мысли, которые своди-

лись к однозначному выводу, что, скорее всего, ... тот, кто проверял и собирал докладные записки с Нестеренко и Романенкова, специально их спрятал, и не дал им ходу. Их поэтому и обнаружили случайно. В таком случае, изначально в Капустином Яре и на Байконуре работала глубокого за-конспирированная сеть американской разведки. Необходи-мо немедленно разыскать того офицера, или допросить быв-ших сержанта и старшего лейтенанта, чтобы они указали на этого человека, а через него можно будет выйти и на того, кто был в юрте. После чего всех необходимо будет немедленно либо перевербовать, либо... в случае отказа сотрудничать с разведкой, ликвидировать.

Симеонов внимательно слушал логические размышления своего адъютанта, помешивая ложечкой в чашке и думал. «Конечно! Только такой вывод и может прийти в голову, ес-ли не знать базовой вещи. Если не знать про волхвов. Как хорошо, что архивариус все же пришел к нему, а не к Игна-тову. Но, тем не менее. Меры принимать надо. Ведь один из главных секретов государства, который успешно сохранялся более века, теперь стал достояние весьма могущественного клана. Как минимум надо понять, что они планируют с этой информацией делать. Заодно и увидеть, кто же это такой лю-бознательный?»

Симеонов поставил чашку на стол. Игнатов сразу замол-чал.

– А давай-ка, Алексей, мы с тобой съездим за город. В од-

но очень интересное место. Закажи нам машину, через полчаса выезжаем. И за рулем будешь ты. Водителя не надо.

Через полчаса черная «волга» с военными черным номерами выскочила из подземного гаража сразу на оживленный Волгоградский проспект, и понеслась в сторону Рязани. Игнатов сидел за рулем. Симеонов – рядом. Они оба были одеты в штатское. Уже выехав за МКАД, генерал посмотрел в сторону от ленты шоссе, и, подняв голову, заметил высоко в небе над машиной черную точку, которая зависла над их автомобилем, и двигалась в том же направлении.

– Смотри, – показал он на нее рукой Игнатову. – Нас уже встречают.

Игнатов прищурился, присмотрелся через лобовое стекло.

– Что это? Дрон? Вроде не похоже.

Посмотрел на приборную панель машины и успокоено показал на них рукой.

– Никакого излучения не видно, товарищ генерал. Датчики показали бы, что за нами следят.

Симеонов хмыкнул.

– Однако, поверь мне, нас уже встречают.

Он не стал объяснять своему молодому коллеге, что на самом деле это не дрон, а ... рыжий филин, который не дает никаких излучений, и при этом все видит как днем, так и ночью. Лишь добавил.

– Скоро сам все поймешь.

Глава 3

На белом экране шел мужчина, грязный, со спутавшимися волосами, в рваном хитоне, босый. Шел мужчина медленно, неся на спине огромный крест. Рядом шел римский легионер в полном боевом облачении. С копьем в одной руке и длинным квадратным щитом в другой. На щите был четко виден знак легиона – бык.

Легионер хмуρο косился на толпу людей, которые стояли вдоль дороги и молча смотрели на того, которого в скором времени должны были распять. Камера выхватывала лица невольных наблюдателей. И на всех них читалось одна и та же мысль. Беднягу ждет нескорая и мучительная смерть, поэтому не стоит торопить события.

Дорога вела в гору. Каждый шаг приговоренному к распятию давался тяжело и оставлял на серой пыли кровавые следы. Неожиданно мужчина споткнулся и упал на одно колено. Его крест, сбитый из тяжелых бревен, завалился на бок. Уперся в придорожный камень. Мужчина попытался подняться, но не смог. Он открыл рот и прошептал в сторону легионера на иудейском языке. Легионер ответил ему и пригрозил кулаком толпе, давая понять, что никто не должен делать резких движений. Однако люди не услышали его. Поддаваясь какому-то единому порыву, толпа ринулась к мужчине, помогая ему поднять крест, снимая его с плеч, облег-

чая его тяжелую участь. На мгновение все смещалось, потом в воздухе сверкнул короткий римский меч. Он несколько раз плашмя опустился кому-то на голову. Подбежало еще два легионера. Они начали тыкать остриями копий в людей, отталкивая их. Толпа отхлынула, оставив приговоренного, который уже держал крест на своих плечах и стоял на обоих ногах.

Правда на них были надеты кожаные сандалии, а одежда его была не такой грязный, да и волосы не такие спутанные...

Потом на экране появилась тень. И изображение остановилось.

– Вот, так все и было, – Сазиков подошел к выключателю и включил свет. – Зенон подменил Иисуса, и вместо него вошел на Голгофу. Был убит на кресте вместо него. Род Зенона, который знал правду, сменил свое имя, и стал именоваться – Симонами, Симеонами или Семенами, разошелся по миру. Ну, а Иисус чувствуя за собой вину, вышел к людям через три дня. Правда, в интересах веры апостол Павел распространил немного другую версию. Она и стала канонической.

Сазиков вернулся к столу, за которым сидел генерал Симеонов и майор Игнатов.

– Нет никаких сомнений, Владимир Андреевич, в том, что твоя фамилия восходит к тем самым «знающим правду».

Сазиков покосился на майора, который сидел с широко открытыми глазами и не верил в происходящее.

– Что, майор? Вижу, удивлены? Хотите что-то спросить?

Спрашивайте, не стесняйтесь.

– Как? – Майор посмотрел на генерала, спрашивая разрешения продолжить. Генерал кивнул головой.

– Как вы это сняли? – выдавил из себя майор Игнатов, – это ведь не монтаж? Не постановка?

Сазиков улыбнулся.

– Вы считаете, что такое можно смонтировать или поставить?

Игнатов пожал плечами.

– Ну, может быть в Голливуде и есть такие технологии, но все равно ... – было видно, что Игнатов пытается найти для себя ответы на вопросы, которые сам же для себя и задает, но не находил их, поэтому поднял глаза и с просьбой посмотрел на Сазикова, – объясните? Как вы это сняли?

– Если говорить о технической стороне вопроса, – ответил Сазиков, подходя к школьной доске, которая висела на стене, – то этот фильм был снят на несколько камер, которые были вмонтированы в одежду персонажей, участников этих событий, но я так понимаю, что тебя...

Он посмотрел на Игнатова.

– Могу я перейти на ты?

И получив согласие продолжил.

– Тебя ведь интересует не эта сторона вопроса? А то, как я смог проникнуть в то время?

– Да, – Игнатов посмотрел на Симеонова, и увидел, что он улыбается. Его, казалось этот вопрос не волновал, а зна-

чит, он знал на него ответ. И понял, что в общем-то сейчас, рассказ будет предназначен только для него. А если это так, то получается, его будут готовить к какому-то заданию.

– Все правильно, Алеша, – прервал ход его мыслей Симеонов, как будто прочитал в раскрытой книге. – Задание для тебя будет, но сначала ты должен уяснить для себя базовые понятия наших взаимоотношений с волхвами.

– С кем? – не удержался, чтобы не переспросить Игнатов.

– С волхвами, – продолжил Сазиков, – теми, кто предупреждает.

В окно постучала птица. Сазиков открыл окно. Рыжий филин влетел в комнату, сделал круг и опустился на деревянную балку под потолком. Угукнул.

– Хорошо, что ты зашел, – обратился к филину Сазиков, – быстрее познакомишься со своим напарником, быстрее войдете в контакт и приступите к делу.

Он посмотрел на генерала. Тот сидел с задумчивым видом, видимо пытаясь осознать, что только что увидел на экране. Поймав на себе взгляд волхва, Симеонов вздрогнул и вернулся в реальность.

– Простите, немного задумался. Все-таки не каждому приходилось увидеть своего дальнего предка и узнать его настоящую судьбу, – он провел ладонями по лицу, будто пытаясь смахнуть с себя наваждение, – Итак, Иван, ты отлично понимаешь, то, что увидел Ваш родственник является госу-

дарственным секретом, причем такого уровня, что все, кто хоть как-то узнали истинному положение вещей подлежат нейтрализации. И нам, или если хотите Вам, очень повезло, что архивариус доложил о случившемся именно мне, а не побежал к федералам, в какой-нибудь отдел с «чистильщиками».

Он поднял руки.

– Но мы также отлично понимаем, что это дело времени и чистильщикам все равно все станет скоро известно. Тогда они будут действовать по инструкции. Несчастный случай, стихийное бедствие, авария, тяжелая болезнь. В крайнем случае бандитское нападение. В общем, когда они приступят к работе, я не позавидую Вашему парню.

Симеонов положил руки на грудь.

– Но и вы не подарок и как я понял, что-то придумали.

Сазиков улыбнулся краем губ.

– Да, я как раз начал излагать свой план, но ты меня прервал. Впрочем по делу. Теперь все понимают степень накала страстей.

Игнатов поднял руку как школьник.

– Я не совсем понимаю. Вернее, я по-прежнему ничего не понимаю.

Филин потоптался на своей балке и угукнул. Сазиков посмотрел на птицу и ответил ей, как живому человеку.

– Начну с самого начала... Итак. В 1961 году Хрущеву был нужен первый полет. И Королев ему его дал. Только в

кабине «Востока-1» первого космонавта не была, был лишь магнитофон с записью его голоса, который включался по команде с ЦУПа, в нужный момент.

Симеонов тяжело вздохнул, но согласно кивнул головой.

– Да, за день до старта были выявлены некоторые неполадки в ракете, старт отменить было уже нельзя, поэтому было принято такое решение. Обман случился. Тогда казалось ради благой цели. И на первом этапе так оно и было. Ведь когда эффект от первого полета человека в космос достиг высшей точки, космическую отрасль стали финансировать по полной программе. Можно сказать начался расцвет космической эры. Поэтому второй и последующие полеты уже были настоящие, так как никто не мешал работать.

Сазиков добавил.

– Грубо говоря, первым космонавтом на самом деле был Герман Титов, а вторым – Андриян Николаев. Американцы даже поначалу поверили СССР, но Гагарин стал слишком популярной личностью, и стал много говорить лишнего. В общем было принято решение о его трагической гибели. Как раз это и было первое дело «чистильщиков», потом так же они работали по академику Келдышу, и другим менее известным лицам, кто первым заподозрил государственный блеф, скажем так.

Симеонов перехватил рассказ.

– Как ни странно, американская разведка, которая успела снять показания с Гагарина, не стала раскручивать скан-

дал, а использовала эту идею, чтобы "запустили" своих астронавтов на Луну. И у них это тоже, как говорит молодежь, проканалло. Причем «на Луну» они отправили не одного человека, а несколько. Соответственно денег в их отрасль конгресс влил как следует. Потом наши в реальности послали на Луну луноход, и, естественно, не нашли там никаких следов присутствия американцев. Сообразили, что американцы действовали по их схеме и... тоже не стали раздувать скандал. Встретились, поговорили. И решили, что пусть у нас будет первый в космосе, а у них – первые на Луне. Легенды обросли подробностями, музеями. Американцы при помощи психологов ввели в оборот такой термин «синдром астронавта». То есть, когда ты всем говорить, что не делал этого, а тебя все убеждают, что делал, просто ты скромный. А историю со Спилбергом и съемками прилунения в Голливуде используют как фактор сомнения, запуская в сознание людей мысль, что это так же идеи шизофреников. Никто не хочет получить на себя ярлык. В штатах это чревато... Но самое главное, космическая отрасль по эту и другую сторону океана наполнилась деньгами. А то, что периодически кто-то погибал не своей смертью... Ну, такова жизнь. Деньги любят тишину. В общем, вскоре все стали предпочитать молчать на эту тему.

Игнатов окинул взглядом своих собеседников, сначала посмотрел на Симеонова, а потом на Сазикова.

– Насколько я понимаю, Вы побывали, пока еще не пони-

маю каким образом, на месте старта космического корабля «Восток-1» и зафиксировали то, что в кабине корабля никого не было. Вас заметила охрана, и оставила об этом запись, которая попала в архив. Архивариус принес объяснительные записки к товарищу генералу. Но нет никаких сомнений, что наши коллеги из госбезопасности также скоро узнают о таком инциденте и, проверив все по цепочке, а вернее проследив за передвижениями товарища генерала, придут за Вами. И значит, что Ваша жизнь теперь в опасности, и видимо мне придется ее защищать.

Сазиков посмотрел на Симонова.

– Отличные у тебя аналитики, Володя, – потом он повернулся к Игнатову, – все верно, только защищать надо будет не меня, а вот этого самого Филина, он же – Филипп Волхов. И его надо не будет не только защищать, но и... – он еще раз взглянул на Симонова, как бы получая поддержку, а потом выдал свой план, – помочь ему спасти Гагарина от смерти, а потом вернуть его в кабину «Восток-1», чтобы так сказать восстановить историческую правду.

– Мне? Филина? Гагарина? – Алексей Игнатов ткнул себя пальцем в грудь, потом открыл рот от удивления, посмотрел на рыжую птицу и, наконец, выдавил. – Полный бред.

Филин угукнул и слетев со своей балки, приземлился на стол рядом с Игнатовым, а потом медленной походкой перебрался к нему на плечо.

В этот момент зазвонил телефон, который стоял на ка-

мине. Телефон по внешнему виду был старинный, проводной с ручкой на украшенной вензелями корпусе. Чтобы снять трубку Сазикову пришлось встать и пройти через весь огромный зал. Обойти Симеонова, Игнатова. Все это время трубка не переставала трезвонить.

– Алло, Сазиков слушает.

Приложив трубку к уху, он выслушал доклад, потом коротко бросил.

– Пустите, – положил трубку на рычаги, повернулся к своим собеседникам, и с усмешкой произнес.

– И еще одно ваше предсказание сбылось, Алексей. Вы явно можете стать отличным волхвом, – потом рассказал о том, что услышал в трубке. – Привратник докладывает, что к центральному входу усадьбы подъехало несколько джипов. Люди с удостоверениями ФСБ требуют разрешить им проехать на территорию.

Симонов усмехнулся.

– Быстро они. Ну, давайте встречать гостей. А Вам, – он обратился к филину и Игнатову, – общаться с ними не обязательно.

Филин угукнул и вспорхнул с плеча Игнатова, сильно его толкнув, сделал круг на головой.

– Идите за птицей, – объяснил Сазиков, – она вас выведет через запасной выход. Не волнуйтесь, Филипп когда проснется, дополнит вашу картину бытия. Вам будет о чем поговорить.

И уже торопливо добавил.

– Идите, идет.

Игнатов встал и открыл дверь. Филин вылетел в коридор и позвал за собой Алексея.

Как только дверь за ними закрылась Сазиков достал из кармана монетку, подкинул ее вверх, поймал и протянул Симеонову.

– Ну, что там? Орел или решка?

Симеонов засмеялся.

– Ребро.

Потом его лицо сделалось серьезным.

– Надеюсь ты понимаешь, что это я вызвал группу немедленного реагирования.

Сазиков убрал в карман монетку, даже не взглянув на нее.

– Конечно, это было запрограммировано. Мы всегда четко знаем, в каком временном створе будут развиваться события. Мне непонятно только одно, зачем так было торопиться? Филипп еще не до конца оправился от раны. Дал бы хоть повязки снять.

Симеонов удивленно осмотрел на Сазикова

– Что значит запрограммировано... – он открыл рот, начиная осознать. – Неужели это ты подсказал архивариусу, где лежат эти документы?

Сазиков пожал плечами.

– Мог был сразу догадаться. Ты же понимаешь, что ране-

ние волхва во время перехода – это экстраординарный случай. Таким образом ноосфера подсказывает, что ситуация с враньем про первый полет зашла слишком далеко. Надо ее как-то приводить в порядок. – Он посмотрел на Симеонова. – Либо раскрывать правду, что сегодня, как ты понимаешь, практически не реально. Твои церберы этого просто не дадут. Да и все равно никто не поверит. Либо приводить реальность в соответствии с вымыслом. Жаль только ни твой Алексей и ни мой Филипп не готовы к заданию, – он задумался на какое-то время, будто просчитывая варианты и, наконец, добавил. – Хотя бы по тому, что такого еще никто и никогда не делал.

– Не соглашусь с тобой, – возразил Симеонов, – Алексей – идеальная кандидатура, ты сам на это согласился. Он знает территорию, на которой ему придется действовать, пересекался с некоторыми персонажами. – видят, что Сазиков пытается что-то сказать, поднял руку прося закончить фразу. – Ну- да, все это было в наше время, неизвестно как он поведет себя в другом времени, и тем не менее ... мы должны попытаться прекратить это вранье. Эх, жаль я не могу взять эту задачу на себя, слишком много знаю. Но ничего не попишешь, мы теперь можем только наблюдать за событиями и не вмешиваться.

Сазиков не согласно мотнул головой.

– Пожалуй, мы можем им немного помочь.

– Как?

Сазиков усмехнулся и подмигнул генералу.

– Давай немного задержим твоих чистильщиков здесь?

Дадим, так сказать, ребятам возможность обратиться из усадьбы подальше.

Симеонов недоуменно посмотрел на своего старого товарища.

– Молодость решил вспомнить?

Сазиков пожал плечами.

– А что мы теряем? Разомнемся немного.

Симонов помотал головой, сначала не соглашаясь, а потом все же махнул рукой и резко поднялся, одновременно хрустя пальцами, разминая костяшки. – А давай! – подумал, потом добавил. – Посмотрим сколько сможем продержаться.

Хмыкнул.

– Даже интересно стало. Это типа мы вызываем огонь на себя.

Сазиков погрозил ему пальцем.

– Без фанатизма. Усадьбу сжигать не будем.

Глава 4

Подполковник ФСБ Сергей Харченков пришел в отдел «И» совершенно недавно и очень рассчитывал, что сможет спокойно досидеть в нем до пенсии. Ключевое слово «спокойно». Ему боевому офицеру сейчас это было нужно как воздух. Потому что он устал гоняться за террористами, моджахедами, маньяками, организованными преступниками всех мастей и прочей нечестью. Он хотел без лишних проблем досидеть до пенсии, и без лишнего шума перебраться на свою дачку, на берегу Волги. А там шашлычок, рыбалка... Может быть молодая или не очень, но жена.

Ведь к сорока пяти годам он так и не обзавелся женой. Вернее, была одна, пока он еще был совсем молодой, летюхой, а потом естественно «была, да сплыла». Какой же женщине хочется такой нервотрепки? Если только по большой любви. А ее-то он пока не встретил.

В общем, получив сигнал о находке архивариуса, а затем команду на экстренный вызов подполковник не поверил своим ушам, а потом – глазам. Чтобы из-за какого-то пожелтевшего листа бумаги так суетится?

Но все было по серьезному. Бронежилеты, полный боекомплект, табельное оружие. Даже каски! Несколько тяжело-весов, таких-же как он полканов-предпенсионников, с хмурыми лицами, а некоторые и с одышкой, загрузились в мини-

вэн и погнали куда-то за город. Видя, что Харченко не спешит одевать бронежилет, один из старослужащих отдела пошутил.

– Зря не торопишься, Серый, у нас такие случаи редкие, но очень меткие. Поэтому рекомендую. Надень броник, не гневи богов.

– Да, что такого может произойти? – удивился Харченков. – Сейчас этому пенсу почти 70 лет, если он жив еще.

А ты не слышал, как наш отдел называют? – Возразил сосед по салону минивэна. – Не просто «И», а «и с точкой».

Он покачал головой и многозначительно хмыкнул.

– Тут все может быть. В общем, рекомендую, а там сам смотри. И на всякий случай запомни, если упустим птенчика, или как ты его назвал пенса, то будем иметь бледный вид перед начальством, и уж точно спокойствия никому из нас не видать, ой как долго. Именно поэтому лучше сразу стрелять на поражение. Списать потом всегда спишем, а вот сбежит...

Тяжеловес покачал грустно головой и махнул безнадежно рукой.

Харченков не любил думать. За долгие годы службы ему в основном приходилось стрелять, бить, обезвреживать, а тут после слов товарища по службе задумался, глядя в окно на мелькающий пейзаж.

Начал моросить мелкий дождь, оставляя на стекле капли.

Он не сразу понял, что мысли приходили откуда-то извне,

и дождь выстукивает их на стекле как морзянку. Что значит стрелять на поражение? Они что всерьез думают, что этот... ? Тут его еще больше поразила мысль. А кто этот? Они ведь не знают ни как его зовут, ни как он выглядит, и что самое главное, совершенно непонятно, что он совершил опасного для общества?

Пикнула смс на телефоне старшего группы, подполковника Бедрова. Тот раскрыл ее, прочитал и прокомментировал.

– Скоро подъедем! Объект предположительно находится на территории старой усадьбы. Где точно? Надо будет разобраться на месте. Код опасности тот же.

Харченко увидел, как водила, рядом с которым сидел Бедров, цыкнул зубами, будто выковырнул из щели застрявший кусок мяса, и включил дворники. Поправил навигатор на лобовом стекле. Красная линия показывала, что им еще ехать минут пятнадцать. Группа начала неторопливо собираться. Поправлять амуницию, кто-то достал пистолет, проверил магазин. Поддавшись общему настроению Харченков тоже вынул свой «Макаров» из кабуры. Осмотрел, снял и снова поставил на предохранитель. Убрал. Нет, он не боялся стрелять в невиновного человека, это ему приходилось делать не раз, выполняя приказы. Ему было просто интересно, кто же этот человек, из-за которого такая суета.

Дождь выстучал на стекле. Что он такого совершил? В голове не укладывалось?

Впрочем, какая ему разница. И без него разберутся. Сей-

час, чем меньше думаешь, тем больше шансов выжить.

Надо прокачать инстинкты и выгнать из головы любые мысли, которые будут мешать работе. Он начал дышать носом, как будто матерый волк, учуявшись добычу. Наполнил легкие кислородом. Проверил слюну. В горле не пересохло.

Минивэн остановился перед закрытыми воротами. Водитель посигналил. Им навстречу вышел привратник. Бедров, показал удостоверение. Привратник кому-то доложил об их прибытии. Харченков осмотрел невзрачную крестьянскую фигуру охранника и считал с нее всю информацию. Какая-то частная структура. Просто привратник, сторож. Не опасен.

Бедров повернулся к Харченкову.

– Сергей, пойдешь с Прониным. Ты первый, Пронин тебя прикрывает его. В случае сопротивления – стрелять на поражение. Остальным рассредоточиться по периметру. Перекрыть все выходы.

Бедров раскрыл свой планшет и показал его своим подчиненным.

– Смотрите внимательно. Площадь усадьбы достаточно большая, это главный вход. Есть еще несколько выходов с другой стороны. С южной стороны ее граница проходит по реке. Там не уйти. На территории несколько зданий. Центральный корпус, столовая, учебные классы, жилые помещения. Конюшня. Корты. Спортивные площадки. Надо проверить все. Как сообщил наш источник, объект, скорее всего, инвалид. Возможно на инвалидной коляске. И у него могут

быть помощники. Вопросы есть?

Харченков замялся, но промолчал. Бедров заметил его движение.

– Ну, давай уже спрашивай.

Харченков сжал губы и выдавил из себя.

– Что находится в усадьбе?

Бедров усмехнулся.

– Какой-то благотворительный фонд и этот как его... Он попытался вспомнить. – Центр по изучению исторического наследия.

Харченков попытался переварить информацию. И на этот раз как будто кто-то живой, а не дождь, внутри задал ему самому вопрос: «Да, что он такого сделал, что его надо сразу уничтожать?» Это оказалось немного неожиданным, раньше он никогда сам с собой не говорил, поэтому от вопроса вслух воздержался. «Мне-то какое дело? А вот это уже я сам подумал». Харченков пожал плечами и показал Бедрову руками, сложив большой и указательный палец в букву «О», что информация усвоена и он готов к работе.

Бедров довольно хмыкнул и кивнул головой в ответ.

– Вот и славно, – потом обратился ко всей группе. – Все готовы? Режим киборгов включили?

– Так точно, – раздалась в ответ стандартная фраза.

– Тогда погнали.

Боковая дверь минивэна распахнулась и из нее высыпа-

лись три боевые пары. Охранник усадьбы увидел решительные лица сотрудников спецслужбы, попятился в сторону, уступая дорогу. Харченков наставил на него пистолет.

– Инвалид? В коляске? Где?

Охранник, заикаясь, попытался объяснить.

– Во флигеле.

– Где это?

Охранник показал дражайшей рукой направление движения, но Харченков посмотрел ему в глаза и тут же в его голове чей-то голос подсказал ему. «Он врет! Иди в главный дом усадьбы!»

Харченков неожиданно поверил своему внутреннему голосу и, толкнув охранника в грудь, прошел мимо него. Прижал пальцем наушник, переключил его на передачу информации и сообщил Пронину и остальным двойкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.